

Вопросы
культуры
речи

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Вопросы культуры речи

❧ XI ❧

Под редакцией А. Д. ШМЕЛЕВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 81.2Рус
В 74

Утверждено к печати Ученым советом
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор М. А. Кронгауз
кандидат филологических наук И. Б. Левонтина

В 74 Вопросы культуры речи. Вып. XI / Отв. ред. А. Д. Шмелев. —
М.: Языки славянской культуры, 2012. — 384 с.

ISBN 978-5-9551-0600-7

В основу одиннадцатого выпуска серии «Вопросы культуры речи» положены тексты докладов, прочитанных на II международной конференции «Культура русской речи», проходившей в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН 4—6 октября 2010 г. Сборник посвящен проблемам соотношения системы, нормы и узуса в современном русском языке. Тематика статей, помещенных в сборнике, отличается большим разнообразием. Это статьи, посвященные культуре речи как особому разделу науки о языке, статьи о речевой культуре носителей современного русского языка, о новых грамматических и синтаксических конструкциях и речевых жанрах, о соотношении системы, нормы и узуса в разных функциональных стилях и региональных вариантах русского языка. Целый ряд работ посвящен обсуждению спорных вопросов орфоэпической, орфографической и грамматической нормы.

Сборник адресован широкому кругу читателей: не только ученым-филологам, преподавателям русского языка, писателям и журналистам, но и всем, кому безразличны проблемы культуры родной речи.

ББК 81.2Рус

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ. Вып. XI

Корректор Н. Полякова. Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина.

Подписано в печать 16.10.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Гарнитура Times. Уч. изд. л. 24. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 978-5-9551-0600-7

9 785955 106007 >

© Языки славянской культуры, 2012
© Авторы, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

<i>Н. В. Богданова</i> (Санкт-Петербург) Планка требований к слову — падает или поднимается? (к вопросу о культуре русской речи).....	9
<i>Е. Н. Геккина</i> (Санкт-Петербург). К типологии вопросов интернет-службы русского языка (на материале сайта «Культура письменной речи»).....	18
<i>Т. М. Григорьева</i> (Красноярск). Сквернословие как феномен культуры русской речи.....	23
<i>Н. А. Еськова</i> (Москва). О глаголе <i>воспрянуть</i>	29
<i>Е. С. Кара-Мурза</i> (Москва). «Конфликт норм» и профессиональная культура речи рекламистов.....	31
<i>Л. П. Крысин</i> (Москва). Культура речи и функциональная социолингвистика.....	38
<i>Е. М. Лазуткина</i> (Москва). Языковая система — узус — норма (об основных аспектах теории языковой нормы).....	45
<i>М. Ю. Федосюк, И. И. Бакланова</i> (Москва) «Кадашёвская набережная. Следующая остановка — Преображенская площадь» (К вопросу о «ёфикации» московских топонимов).....	58
<i>А. Д. Шмелев</i> (Москва). Падение речевой культуры или изменение нормы?.....	69

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ, НОРМЫ И УЗУСА В ОРФОГРАФИИ, ОРФОЭПИИ И ПУНКТУАЦИИ

<i>Е. В. Бешенкова</i> (Москва). Орфографическая вариативность в узусе, норме и кодификации.....	77
<i>Е. А. Гришина</i> (Москва). Микроизменения в акцентологической системе русских прилагательных по материалам Национального корпуса русского языка.....	88
<i>О. М. Грунченко</i> (Москва). «Корпоративная» орфография и пунктуация: новые нормы или старые ошибки?.....	103

<i>О. М. Грунченко</i> (Москва). Пунктуационное оформление вводимых конструкций: норма и узус	108
<i>О. Е. Иванова</i> (Москва). О содержании одного орфографического правила	118
<i>О. Е. Иванова</i> (Москва). «Русский орфографический словарь» и академическая традиция	129
<i>В. В. Лопатин</i> (Москва). Проблемы информативности орфографического словаря	139
<i>С. В. Науменко</i> (Канск). Орфографическая вариантность в научных дискуссиях и практике	143
<i>И. В. Нечаева</i> (Москва). О явлении и случаях двойной орфографической мотивации	148
<i>Н. В. Николенкова</i> (Москва). О написании производственных марок: лингвистические и экстралингвистические аспекты правила	154
<i>А. А. Плетнева</i> (Москва). Об одной орфографической традиции первой половины XIX в.	159

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ, ГРАММАТИКЕ И СИНТАКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>А. Н. Баранов</i> (Москва). Сочетаемость слов и «слабая семантика»	167
<i>М. Я. Гловинская</i> (Москва). О чем свидетельствует реакция носителей языка на грамматические инновации	178
<i>Д. О. Добровольский</i> (Москва). Родственные номинации в вокативной функции и культура речи	185
<i>О. П. Ермакова</i> (Калуга). Нелитературность и синтаксическая функция слова	192
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва). Правила и ограничения в синтаксических структурах (на примере некоторых типов употребления падежных форм)	200
<i>Е. В. Маринова</i> (Нижний Новгород). Как это не по-русски (о словах с уникальным исходом)	212
<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск, Белоруссия). Между банальностью и аграмматизмом: расхожие оценки сравнений и их лингвистические корреляты	218
<i>И. В. Нечаева</i> (Москва). Лексика частей тела: опыт аналитического описания	228
<i>Е. Н. Никитина</i> (Москва). Грамматические категории во взаимодействии, авторские тактики и правильность речи	235

<i>С. О. Савчук</i> (Москва). Варианты родовой принадлежности имен существительных: корпусное исследование	248
<i>О. И. Северская</i> (Москва). <i>Вполне, ничего или так себе?</i>	256
<i>О. Е. Фролова</i> (Москва). Двусмысленность и ее разновидности	263
<i>Е. Я. Шмелева</i> (Москва). <i>Делаем шопинг:</i> о сочетаемости и семантике новых заимствований	273

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ: НОРМА И УЗУС

<i>Н. Ю. Авина</i> (Вильнюс, Литва). Трансформация сочетаемости слов в аспекте культуры речи: региональные особенности	284
<i>М. В. Ахметова</i> (Москва). Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей	289
<i>В. И. Беликов</i> (Москва). «Антошка, Антошка, пойдем садить картошку...», или везде ли просторечие просторечно	296
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> (Москва). Речевое многоголосие «уездного» города	313
<i>И. Т. Венрева</i> (Екатеринбург). Кодифицированная норма и региональный узус: к вопросу об эксперименте в ортологии	320
<i>И. Т. Венрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова</i> (Екатеринбург). К проблеме региональных вариантов кодифицированных норм (по результатам мониторинга СМИ УрФО)	331
<i>Т. С. Жукова</i> (Москва). Новые тенденции в функционировании обращений в деловом общении	337
<i>О. С. Иссерс</i> (Омск). Стратегии речевого поведения староверов Бразилии в аспекте конфессиональных коммуникативно-этических норм	342
<i>И. Н. Кошман</i> (Луганск, Украина). О графическом оформлении украинизмов (на материале текстов СМИ)	351
<i>Т. А. Милёхина</i> (Саратов). Публичные слушания: жанр и речевая специфика	357
<i>В. В. Химик</i> (Санкт-Петербург). Путешествие из Москвы в Петербург: некоторые топонимические связи	363
<i>С. Д. Шелов</i> (Москва). Родовидовые отношения в терминологии и терминологические дефиниции	370

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

Н. В. Богданова

ПЛАНКА ТРЕБОВАНИЙ К СЛОВУ — ПАДАЕТ ИЛИ ПОДНИМАЕТСЯ? (к вопросу о культуре русской речи)¹

Сегодняшний уровень культуры русской речи, пути развития современного языка и специфика его функционирования в речи носителей языка — все эти вопросы волнуют лингвистов разных направлений и вынуждают их проводить все новые и новые исследования. Один из вопросов, на который можно попытаться найти ответ, анализируя лексико-стилистический статус единиц языка, — на какой высоте находится сегодня планка требований к слову? Какой ее уровень задают существующие словари и как это соотносится с ментальным лексиконом и с реальной речевой практикой говорящих?

В настоящей статье предлагаются некоторые результаты таких исследований.

Первое было проведено на *словарном материале*: были сопоставлены соответствующие данные 4-х изданий «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой) [Ожегов 1973; 1986; 1991; Ожегов, Шведова 2004] (далее — Словарь). Оказалось, что из 1930 слов, имеющих просторечные или разговорные значения, 407 единиц (21,1 %) за 30 лет (с 1973 по 2004 г.) так или иначе поменяли свой стилистический статус — см. подробнее: [Титова 2007]. Большая часть этих единиц (61,8 %) понизила этот статус, совершив один из следующих переходов:

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект 10-06-00300).

- из нейтрального пласта² в разговорный (Н ↓ Р) (*амурный, доминошный, маникюрша, брюзгливый, горбун*; 67,3 % единиц, подвергшихся такому переходу);
- из разговорного — в просторечный (Р ↓ П) (*деньжата, мыкаться, уродина, живодер, перечить*; 20,4 %);
- 31 слово (12,3 %) «опустилось» сразу на две ступени, перейдя из нейтрального пласта напрямую в просторечный (Н ↓ П) (*гадина, кураж, шоферня, забрить, сивуха*) (см. рис. 1).

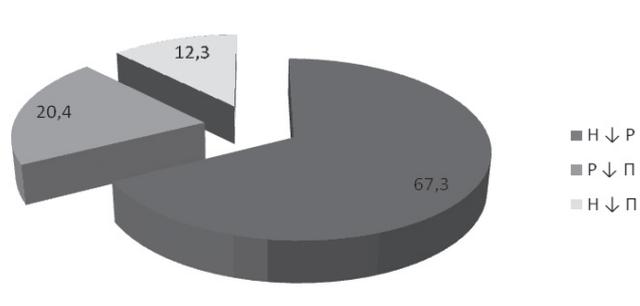

Рис. 1. Соотношение разных типов понижения стилистического статуса слова в Словаре

Очевидно, что такое понижение статуса слова (формально — «движение вниз») означает, что по отношению к нему Словарь (точнее, его авторы) поднимает планку, относится к нему более строго, чем 30 лет назад.

Слов, повысивших за 30 лет свой стилистический статус, в Словаре оказалось существенно меньше — 38,1 %; такое повышение происходило следующими путями:

- просторечные единицы стали помечаться как разговорные (П ↑ Р) (*авоська, впритык, парнишка, планерка, хамить*; 55,5 %);
- разговорные — как нейтральные (Р ↑ Н) (*алкоголичка, дошколята, чемпионка, бум, халатный*; 41,9 %);
- 4 слова «перешагнули» сразу через две стилистические ступени, из просторечных став нейтральными (П ↑ Н) (*возмечтать, выключнуть, ознобить, уворовать*; 2,6 %) (см. рис. 2).

² Нейтральный статус приписывался слову при отсутствии у него других стилистических помет — *разг., прост.* или *высок./кн.*

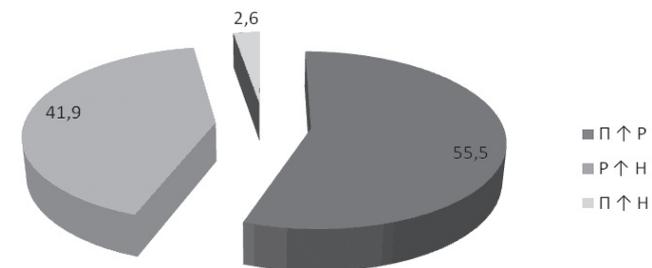

Рис. 2. Соотношение разных типов повышения стилистического статуса слова в Словаре

В данном случае формальное «движение слова вверх» означает, что в отношении него Словарь снижает планку требований. В целом такие результаты вряд ли позволяют говорить о каком бы то ни было общем понижении планки требований к слову. Скорее, Словарь задает нам более высокую планку, «отказав» в нейтральности большому количеству лексических единиц.

Этот вывод нашел подтверждение и в другом исследовании, которое было проведено на материале небольшой группы русских слов — наименований лиц женского пола (всего 58 лексем, 81 семантема — см. подробнее [Чен 2010]):

- общие наименования лиц женского пола (*баба, девочка, женщина, гражданка*);
- наименования с учетом возраста (*девушка, старушка, малышка, дитя*);
- наименования с учетом семейного статуса — замужняя / незамужняя (*девка, женщина, девушка*).

Здесь сравнивались пометы двух словарей, вышедших (очередными изданиями) с интервалом в 7 лет [Ожегов, Шведова 1992; Словарь русского языка 1999]. Из 47 семантем (значений исследуемых слов), общих для двух словарей, 30 (63,8 %) не меняли своего стилистического статуса в указанный период времени (*баба* — в значении ‘вообще о женщине’, *ребятыёнок, старушонка* и др.). Изменения затронули только 17 семантем (36,2 %). При этом существенно чаще снова наблюдалось понижение их статуса — 70,6 % от общего количества единиц, подвергшихся каким бы то ни было изменениям:

- Р ↓ П — *малышня, ребятня*;
- Н ↓ П — *бабка, дитяtko, ребятёнок*.

Лишь в 29,4 % случаев произошло повышение статуса единицы:

- П ↑ Н — *ребятушки*;
- Р ↑ Н — *старая дева*.

Таким образом, в словарях русского языка никакого падения планки требований к слову в последние десятилетия не наблюдается: они либо держат ее на заданном уровне, либо даже повышают.

Иные результаты дал психолингвистический эксперимент с обращением к *ментальному лексикону* носителей языка. Под ментальным лексиконом в данном случае понималась «известная индивиду часть общенационального словарного запаса, хранимая в памяти в таком же (или близком к этому) виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикографических исследованиях» [Залевская 1999: 141—142]³. Если под *словом в языке (словаре)* понимать то, что *должно быть*, под *словом в речи* — то, что *есть на самом деле*, то *слово в ментальном лексиконе* человека — это подсознательное представление говорящего о том, как *должно быть*, своеобразный «мостик» между языком и речью. Ментальный лексикон определяется не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний об окружающей действительности, из чего следует, что он принципиально различен у разных людей и в целом не совпадает со словарем языка.

Исследованию в данном случае подверглась группа слов из словаря С. И. Ожегова, устойчиво сохранивших за 30 лет статус просторечных (*горемыка, невтерпеж, богатей, ерундить* и под.; всего 928 единиц) (подробнее см. [Титова 2007]). Эксперимент проводился на двух группах испытуемых — 30 филологов и 30 нефилологов (мужчины и женщины трех возрастных групп в обоих случаях⁴).

³ Ср. также: «Развитие психолингвистики и других наук о человеке стимулировало интерес к устройству “словаря в голове” индивида, функционирующего в соответствии с закономерностями психического развития человека — носителя языка и культуры. Такой словарь принято называть ментальным, или внутренним, лексиконом человека» [Золотова 2005: 3].

⁴ В младшую группу вошли испытуемые 20—30 лет, в среднюю — 31—50 лет, в старшую — от 51 года.

Оказалось, что даже филологи, профессионально связанные с языком / речью, осознают просторечность слова лишь на 34,0 %. Причем женщины — несколько лучше, чем мужчины (44,0 и 34,0 % соответственно), старшее и младшее (!) поколения — несколько лучше, чем среднее (44,0 и 40,0 % vs. 29,0 %). Можно сказать, что среди филологов у информантов-женщин и информантов старшей возрастной группы — самая высокая планка требований к слову. В целом более половины типично просторечных, по данным Словаря, единиц, оцениваются этими (ненаивными) носителями языка существенно выше: как разговорные (51,0 %) и даже нейтральные (27 слов, 3,0 %).

В группе испытуемых-нефилологов (наивных носителей языка) лишь 8,0 % просторечных единиц Словаря были восприняты соответствующим образом, около половины же всего списка оценивались как разговорные или нейтральные (22,0 и 23,0 % соответственно). Интересно, что среди информантов-нефилологов самая высокая планка требований к слову (то есть они чаще всего воспринимают просторечия как единицы именно низкого стиля) — у женщин (так же, как в группе филологов) и у испытуемых младшей (!) возрастной группы, которые отметили 16,0 % просторечных слов — в два раза больше, чем в целом по группе нефилологов.

В соответствующем эксперименте, проведенном на материале наименований лиц женского пола (те же три лексико-семантические группы, что и выше; 20 испытуемых-филологов двух возрастных групп — до и после 35 лет), результаты получились сходными: словарные пометы, касающиеся общего стилистического статуса семантемы, только менее чем наполовину совпадают с оценкой тех же единиц носителями языка (см. подробнее [Чен 2010]). Для некоторых единиц это совпадение выявилось особенно явно: так, на 100 % совпали оценки Словаря и носителей языка для следующих семантем:

- *девушка* (‘лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности’) (*нейтр.*);
- *девочка* (‘ребенок женского пола или подросток’) (*нейтр.*);
- *ребенок* (*нейтр.*).

На 75 % совпали оценки обоих значений слова *бабьё* (*прост.*):

- 1) *сбир.* ‘То же, что *баба* (‘замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья’);
- 2) *сбир.* ‘То же, что *баба* (‘вообще о женщине’)’.

В случае расхождений существенно чаще (30,9 vs. 18,5%) испытуемые оценивали исследуемые слова более высоко, чем это задано словарями (см. примеры на рис. 3—5).

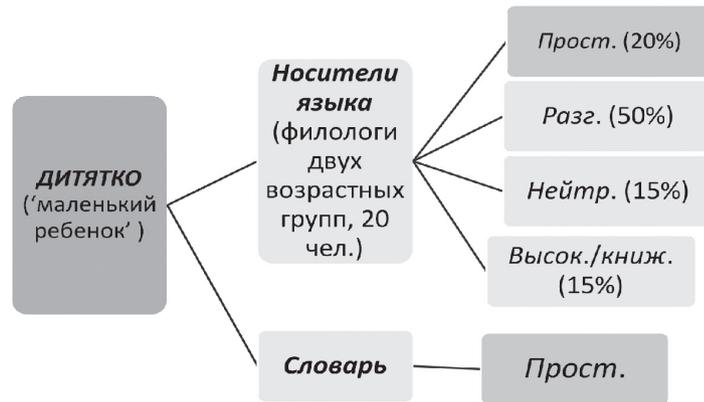

Рис. 3. Несовпадение стилистической оценки слова в словаре и ментальном лексиконе (повышение статуса) (дитятко)

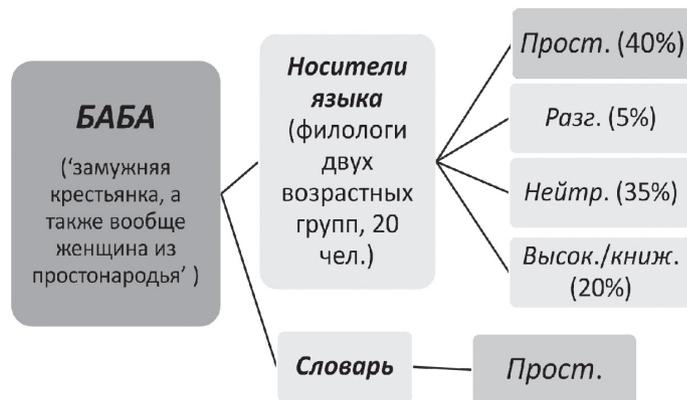

Рис. 4. Несовпадение стилистической оценки слова в словаре и ментальном лексиконе (повышение статуса) (баба)

Представляется, что полученные данные позволяют с большой долей уверенности говорить о некотором снижении общей планки требований к слову, которую устанавливают для себя говорящие, что противоречит данным словарей, совпадает с мнением ряда других исследователей

(см., напр.: [Сиротинина 2004: 20]) и может свидетельствовать об общем снижении культуры русской речи.

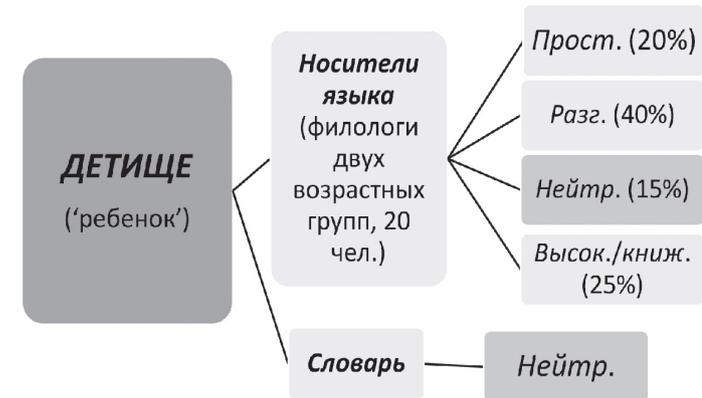

Рис. 5. Несовпадение стилистической оценки слова в словаре и ментальном лексиконе (понижение статуса) (детище)⁵

Еще большую свободу в выборе лексических средств и еще более низкую планку требований к слову, которую устанавливают для себя говорящие, выявляет обращение к реальной речи — см. образцы материала из Звукового корпуса русского языка (блок «Один речевой день») (см. о нем, например [Богданова и др. 2009]):

- хачики // то же самое что блин неграми называют;
- ты знаешь / кто такие эфсигип? да да да // тина / тебе пришла эсэмэска / разошли там ... пятьсот эсэмэсок;
- ну то есть имеет смысл / да / как бы не... @ просто я ... @ не ... не говнево / тебе(:) / больше не кажется / что это всё обман;
- вот дело в том что знаешь / это в общем короче да / и муж / вот этой подруги взвился говорит / ты вообще там идиотка блин / и я это всё видел;
- ну вот он / тина въехал в тему / ну а потом уволился на кафедре;
- например если я даю в долг / я всегда расстаюсь с деньгами например ... сразу / чтобы ... вдруг не отдадут // я / морально / угу // от... отдаю / прикольно // я (... э) рассчитываю сейчас / что я отдаю // а потом когда мне приходит долг / так оппа // ага // ни хрена себе //

⁵ Отметим, что слово *детище* рассматривалось в настоящей работе только как наименование лица, в том числе женского пола. Указание на соответствующее значение содержалось в таблице, предложенной экспертам.

- типа о / кру... круто // мне ещё плюс деньги пришли // я на них не рас считывал;*
- *Дора / тина привет / у меня к тебе шкурная тема Коля / и какая у тебя шкурная тема ко мне? ну тина / причем разговаривает в каком-то таком стиле // красавица с накладными мозгами.*
 - *она привозила с собой этого немца / который (...) вот явный немец / а косил под русского Ваньку // ему первые два дня было запрещено говорить // потом (...) он... под дурачка косил? он был первым парнем на деревне // там к сему (...) / к нему все девки (...) пока не проговорился к нему все девки приставали // пока не проговорился / да / по-немецки / пока молчал // угу // это я на колонке угостил (ээ) немца // салом // выпьет водки // он долго не хотел / а потом как подсел на это сало / короче // и давай один бутерброд за другим наворачивать // просто за... (...) перед другими людьми уже неудобно было // так попёрло его.*

В заключение можно сделать следующие выводы:

- 1) словари держат высокую «планку» требований к слову и даже все время повышают ее;
- 2) носители языка в своем ментальном лексиконе существенно снижают эту «планку»;
- 3) реальная повседневная речевая практика — увы! — однозначно свидетельствует о падении культуры русской речи, ср.: «...положа руку на сердце, признаемся: в неконтролируемом бурлении современной речи виноваты мы все. Ибо в стремительном движении к свободе — в том числе и языковой — многие из нас перестали отличать свободу от вседозволенности, языкотворчество от безграмотности, остроумное словцо от “стёба ради стёба”. И политики, и писатели, и поп-звёзды, и вся говорящая, пишущая и интернетствующая Русь пока ещё упивается такой языковой волей, которой в нашей подцензурной державе не было ни до, ни после революции» [Мокиенко 2004]; «К началу XXI столетия в русском (и, надо полагать, не только в русском) культурно-языковом пространстве произошло серьезное изменение: переориентация идеалов с высокой и элитарной культуры на массовую, общеэтническую. В языке это отразилось “тектоническим смещением” функциональных стилей: резко сузилась, почти исчезла сфера высокого, патетического, пафосного, ее место занял нейтральный стиль речи, в свою очередь потесненный экспрессией разговорных и разговорно-сниженных элементов национального русского языка. Очередная варваризация языка города — проникновение в него нелитературных единиц, заимствованных, диалектных или жаргонных (о подобном языковом процессе еще в

1920-е годы писал известный лингвист Б. А. Ларин), привела и литературный язык, языковой стандарт к ослаблению строгости, усреднению, а значит, к снижению, понижению его уровня» [Химик 2000].

Литература

- Богданова и др. 2009 — Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Рыко А. И., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2009) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2009. С. 38—44.
- Залевская 1999 — Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Золотова 2005 — Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2005.
- Мокиенко 2004 — Мокиенко В. М. К читателю // Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Ожегов 1973, 1986, 1991 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973; 1986; 1991.
- Ожегов, Шведова 1992, 2004 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; 2004.
- Сиротинина 2004 — Сиротинина О. Б. Пути развития русского литературного языка в их соотношении с типами речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. С. 20.
- Словарь русского языка 1999 — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1999.
- Титова 2007 — Титова Е. В. Просторечие в ментальном лексиконе и речевой деятельности. Магистерская дис. СПб., 2007 (машинопись).
- Химик 2000 — Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Чен 2010 — Чен Ч. В. Слова, называющие лицо женского пола, в русском языке и речи: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010 (машинопись).

Е. Н. Геккина

К ТИПОЛОГИИ ВОПРОСОВ ИНТЕРНЕТ-СЛУЖБЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

(на материале сайта «Культура письменной речи»)

Сопоставление статистических показателей материалов справочной службы русского языка сайта «Культура письменной речи» (www.gramma.ru) обнаруживает соотношение, существенное для понимания языковых и метаязыковых характеристик адресуемых консультантам вопросов. В основу сопоставления положено разделение вопросов на три типа в зависимости от их структурно-синтаксических особенностей и связи с ожидаемым ответом: вопросы о б щ и е (предполагающие ответ *да/нет*), а л ь т е р н а т и в н ы е (содержащие варианты ответа и ориентированные на выбор одного из них), с п е ц и а л ь н ы е, или частные (включающие вопросительное местоимение и нацеленные на получение новой информации)¹. Допустимость этой классификационной процедуры по отношению ко всему архивному собранию службы оправдана жанровой однородностью материала, определяемой стандартом веб-консультации, предполагающим соблюдение функционально-коммуникативных требований запроса информации и релевантную реакцию на него².

Распределение названных типов вопросов в двух основных тематических разделах архива справочной службы различается. В разделе, объединяющем вопросы, посвященные теоретической интерпретации

¹ См.: Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 2001.

² Если даже запрос оформляется в виде императивного высказывания (ср.: *Помогите, пожалуйста поставить предлог на правильное место: «ещё с большим интересом» или «с ещё большим интересом»?*), возможно его непротиворечивое соотношение с вопросительным высказыванием (ср.: «На какое место поставить предлог: ...?»). Типологическая корреляция затруднена в единичных случаях, когда запрос о сведениях прямо не выражен; ср.: *Сплошь и рядом говорят «дресс-код», даже в интернете пишут, что это понятие введено чуть ли не сто лет назад в Англии. Но в академических англоязычных словарях есть только «дресс-кот», т. е. фрак, парадный мундир, деловой.* Здесь и далее в цитируемых текстах сохраняется авторская графика.

языковых явлений, источникам лингвистической информации и методике русского языка, преобладают специальные вопросы, что вполне предсказуемо; например: *К какой части речи принадлежит слово «привык»? Какие практические исследования по деловой риторике вы могли бы порекомендовать? Как правильно объяснить человеку, изучающему русский как иностранный, когда необходимо использовать притяжательное местоимение «свой», а когда обычные личные притяжательные местоимения (мой, твой, их и т. д.).*

Самый большой тематический раздел, включающий вопросы о языковых явлениях и их признаках, не характеризуется подобной однородностью. В подразделе, тематика которого обращена к оформлению языковых единиц в письменной речи (или нормам графики, орфографии, пунктуации), частотны общие вопросы; ср. инвариантные высказывания: *Правильно / верно / корректно (ли) написание? Нужен (ли) знак препинания?* Наряду с ними, специальные и альтернативные вопросы отнюдь не малочисленны и по совокупному объему не уступают вопросам общим; ср. инвариантные высказывания: *Как пишется? Как правильно написать? Слитно или раздельно пишется?* Если рассматривать данные подраздела, посвященного собственно языковым (словообразовательным, лексическим, грамматическим) единицам и их признакам, то здесь выявляется иное соотношение, свидетельствующее о сравнительно высокой доле альтернативных вопросов. Едва ли это объясняется исключительно удобством формы метаязыкового высказывания, сопряженным с лаконичностью, точно очерчивающей границы обсуждаемой лингвистической проблемы. Как представляется, содержательная сторона вопросов и свойства упоминаемых языковых единиц вносят собственный вклад в «альтернативное» первенство. Именно его подразумевает соотношение, упомянутое в начале статьи, и именно этой группе — альтернативным вопросам о языковых единицах и их признаках — посвятим дальнейший обзор.

Наблюдаемый материал извлечен из личного архива автора, собранного за 2006—2011 годы и насчитывающего 3000 «единиц хранения». Количественные показатели этой подборки являются относительными и не претендуют на статус контрольных измерений, вместе с тем они отражают пропорции, характерные для архива в целом³, и поэтому используются в качестве условно среднестатистических. В нашем корпусе «теоретический» раздел состоит из 285 вопросов (9,5 %). Раздел,

³ В настоящее время в архиве справочной службы размещено более 12 000 вопросов и ответов.

включающий вопросы о языковых единицах, их признаках и оформлении в устной и письменной речи, объединяет 2715 вопросов (90,5 %). В подразделе, посвященном нормам а) орфоэпии; б) графики, орфографии и пунктуации, содержится 1062 вопроса: 62 «орфоэпических» и 1000 «графических». Подраздел о языковых единицах является самым представительным и насчитывает 1653 вопроса. В нем доли трех типов вопросов определились следующим образом: специальные вопросы — 20 %, общие вопросы — 38 %, альтернативные вопросы — 42 %.

Внутри группы альтернативных вопросов выделяются две разновидности метаязыковых высказываний, различающихся составом дизъюнктивной пропозиции.

Альтернативные вопросы первой разновидности содержат вариативные трактовки лексико-грамматических признаков языкового явления или его нормативно-стилистического статуса: [Выражение «брутальная внешность»...] Это значит, что внешность у мужчины грубая, или какое-то иное значение? Склоняется ли фамилия «Лебедь», по правилам или по исключениям из правил? Слово НЛО все же мужского рода или среднего? Я все чаще встречаю это выражение [«менеджер ведищий клиента»], это что — опечатка или действительно такое выражение имеет место быть? К этой разновидности относятся случаи поиска производного слова: Можно ли использовать слово «арендно-пригодная» (площадь), или это слово не имеет права на существование? Вопрос может касаться сравнительных признаков единиц: Слово «хобби» и слово «увлечение» — это слова синонимы или у них разное определение? Вопросы этой разновидности чаще всего оформлены как дизъюнктивное соединение общих вопросов (простых позитивных и/или ли-вопросов). Их количество в группе невелико (6 %); по-видимому, это можно объяснить тем, что в большинстве случаев корреспондентов интересует нормативная оценка («правильно — неправильно») и об этом они информируют, прибегая к общему вопросу; ср. частотный ли-вопрос: Можно ли употреблять словосочетания «стимулировать к чему-то», «стимулировать на что-то»?

Вопросы второй разновидности содержат альтернативные языковые единицы; ср.: Как правильно говорить: «на настоящий момент» или «в настоящий момент»? Этот пример демонстрирует полную версию вопроса, включающую «вопросительную» (Как правильно говорить) и «материальную» («на настоящий момент» или «в настоящий момент») части. «Вопросительная» часть может быть оформлена по типу специального вопроса с помощью компонента из категории «какой»; ср. инварианты и варианты: Как правильно / корректно / грамотнее? Какая

форма корректна / предпочтительна? Какой вариант правильный? В какой форме употребить? Какой предлог выбрать? Также вопросительная часть может быть построена по типу общего вопроса, если речь идет, в частности, о бинарных категориях: Склоняются (ли) названия? Употребляется (ли) слово во множественном числе? Необходимо ли согласовывать по виду? Когда нормативно-стилистическая оценка отнесена непосредственно к языковой единице, то высказывание может быть оформлено как соединение общих вопросов: [Слово «блистает» режет слух.] Верно ли так говорить или всё же правильнее будет «блещет»? Вопросительную часть могут дополнять терминологические и нетерминологические номинации, выполняющие конкретизирующую функцию: Как правильно писать в научном описательном тексте «по сравнению с аналогичным периодом» или «в сравнении с аналогичным периодом»? Как правильно назвать самку хоря — хориха, хорьчиха или просто самка хоря? «Материальная» часть также может содержать терминологические номинации (Единственное число или множественное: Большим и указательным пальцем(ами?) левой руки...) и/или контекстные компоненты, проясняющие семантические и функциональные особенности единицы (Как правильно сказать: «автомобиль состоит на учете...» или «стоит»? Как правильно написать «черный ход» или «черный вход» в контексте «отпуск товара с черного...»).

Наряду с альтернативными вопросами в их полном виде, может использоваться эллиптическая версия, состоящая только из «материальной» части; ср.: Цехи или цеха? Энергия преобразуется в тепло или преобразовывается?

Какие языковые единицы рассматриваются в альтернативных вопросах, образуя в них варианты пары и цепочки?

Самая многочисленная группа — субстантивные синтаксемы, представленные в изолированной позиции, в качестве компонента предложения или словосочетания (около 40 % от всех вопросов, содержащих альтернативные языковые единицы). В вопросах сопоставляются падежные, предложно-падежные, предложные формы: Безопасность денежных (ым) средств (ам) обеспечивается...? Как правильно: заходиться хохотом, или в хохоте, или от хохота? Как правильно: экскурсия в автосалоне или экскурсия по автосалону? Также запрашиваются падежные формы приложения (Как верно: в селе Екатериновка или в селе Екатериновке?) и форма числа в сочетании с согласованными определениями (Слово «анализ» в единственном или во множественном числе: «Выполнили одновременно гистологический и микробиологический анализ(ы)»?).

К этой группе примыкают вопросы о синтаксических формах глагола (6%) и прилагательного (3,5%) в предикативных и именных сочетаниях: *Как правильно: прошло — прошли два месяца? Накал страстей «бывает нешуточный» или «бывает нешуточным»? Как правильно: завоевали 23 золотые медали или 23 золотых медали? «Представляем Вам наши каталог и прайс-лист» или «Представляем Вам наш каталог и прайс-лист»?* Общая группа вопросов о синтаксемах составляет в итоге около половины всех вопросов об альтернативных языковых единицах.

Другую представительную по численности группу образуют лексические паронимы (около 15% вопросов): *Как правильно написать, «заверение копии» или «заверка копии»? Как правильно — легло тяжелым (тяжким) грузом?* Этот факт заслуживает самого пристального исследовательского внимания; для сравнения: количество альтернативных вопросов о синонимах, антонимах, конверсивах, о лексемах, претендующих на роль наименования для денотатов, о сочетаниях, мотивирующих обсуждение лексической избыточности и недостаточности, о местоположении лексемы относительно других лексем, только в совокупности сопоставимо с количеством вопросов о паронимах⁴.

В контексте наблюдений за актуализацией проблемы употребления паронимов нельзя не отметить преобладание альтернативных вопросов в «словообразовательной» группе (6% вопросов); ср. вопросы о дериватах: *Как грамотнее Фандориада или Фандориниада? Которое слово из этих двух более правильное: «ковшевой» или «ковшовый»?*

Общий состав словоформ, упоминаемых в альтернативных вопросах, комплектует еще одну заметную группу с примерной долей в 13%. Чаще всего обсуждаются словоизменительные особенности существительных; ср.: *Как правильно: под ИвановОМ или ИвановЫМ? [Гадюки — виперы.] Гадюка — випера или випер?* Вопросы о глаголах, прилагательных и местоимениях единичны; ср.: *Как правильно говорить — утвердью или утвержду? Как правильно: разноуровен или разноуровнен (от разноуровневый)? Как правильно: «говорится о некоем договоре» или «некоем договоре»?*

Итак, вариантные пары и цепочки в альтернативных вопросах создают схожие языковые единицы. Если самым широким образом трактовать явление паронимии, то применительно к рассмотренному матери-

⁴ Общее количество альтернативных вопросов в «лексической» группе не является преобладающим; здесь наиболее частотны близкие к ним общие ли-вопросы.

лу возможно констатировать доминирование вопросов, посвященных паронимическим единицам разных языковых уровней. За рамками материала своеобразная «классика жанра» также обнаруживает себя: *Правильно ли употребление таких словоформ: КОНСТРУКТИВНЫЕ решения и КОНСТРУКЦИОННЫЕ особенности? Чем отличаются слова: высокотехнологический и высокотехнологичный? В каких случаях надо писать «варьируется» и «варьирует»?* Как представляется, в этих вопросах находит свое отражение действие стандартного механизма метаязыковой рефлексии, мотивируемой поиском обоснований несоответствия точечных признаков схожих языковых единиц.

Т. М. Григорьева

СКВЕРНОСЛОВИЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ

«Речь, наполненная неприличными выражениями, непристойными словами, брань» — так определяет сквернословие словарь Д. Н. Ушакова. Аналогичное определение находим в Словаре АН. Сквернословить, отмечает Словарь В. И. Даля, — «вести непристойные, заторные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться».

Эти однозначные определения сквернословия, однако, не всегда соответствуют действительности. По мнению церкви, например, сквернословие свидетельствует об ущербности речи: это не невинная привычка, а смертный грех и оружие массового поражения; оно содержит сатанинскую энергию зла, которая вызывает болезни у человека и может убить его; оно разрушает и уничтожает главное богатство народа — родной язык, культуру и чистоту нравственного поведения. Скверное слово является одной из основных причин духовной гибели нации. Как считает Игумен Вениамин (Новик), «...любовь к матерщине есть простое следствие... плебеизации всей страны, которая прошла у нас намного более успешно, чем аналогичные электрификация, индустриализация, интенсификация и пр.» (Лит. газета. 02.02.94). На непристойность бранного слова указывал апостол Павел: «сквернословие не прилично вам» (Еф 5, 4).

В светской культуре сквернословие, как правило, также считается проявлением антикультуры, низкой сферы языка и речи, однако на разных этапах истории и в разных социумах оно не вписывается в рамки однозначной оценки. Не вдаваясь в далекое прошлое, обратимся к советскому и постсоветскому периоду.

В советский период на сквернословие был наложен культурный запрет, и это имело свой результат: нецензурное слово не проникало в сферу официального общения, не было столь распространенным в сфере общения бытового. Нецензурное слово было абсолютно запретным в печатном тексте (оно кодировалось соответствующим количеством букв точками) и в соответствии с юридическим кодексом расценивалось как оскорбляющее слух и представление о чести и достоинстве.

Не публиковались исследовательские материалы, нецензурное слово не включалась в словари. Его употребление имело серьезные ограничения в сфере бытового общения. В статье «За культуру комсомольского языка» (Молодой большевик. 1926. № 13—16) употребление нецензурного слова рассматривалось как вульгаризация речи, как большое зло. Годом раньше «Комсомольская правда» (1925. № 162) писала о том, что в среде молодежи «некоммунистическим, некоммунистическим объявляется обращение к циничным выражениям, к распущенности в языке, к похабщине». Как кажется, это имело определенный успех, и он отмечен А. Эфрон по ее возвращении из эмиграции. В письме от 7 апреля 1937 г. она сообщает своим зарубежным друзьям: «...не слышала ни одного бранного слова — а ещё на моей памяти Москва тонула в матерщине!» [Эфрон 2008: 23]. По воспоминаниям свидетелей эпохи НЭПа, в пивных висели призывные лозунги: «Матом не крыть!». Однако впоследствии как результат всеобщей атеизации народа мат зазвучал снова, но его употребление с некоторой оглядкой ограничивалось лишь сферой камерного общения.

Ситуация существенно изменилась в постсоветский период, когда русская речь, не ограниченная рамками цензуры, беззастенчиво включает нецензурную брань, и это связано с тем, что в массовом сознании носителей русского языка понятие *свобода слова* отождествлено с понятием *свобода речи*. Сложившаяся ситуация привела к нарушению норм этикета, разрушению эстетических постулатов речи; утрачено определенное А. Пушкиным для русского языка «чувство соразмерности и соразности» и решительно преодолено табу на печатное употребление нецензурного слова.

Нецензурная лексика по данным ВЦИОМ, является весьма популярной на рубеже XX—XXI столетий: 12 % опрошенных употребляют в

своей речи матерное слово *часто*, 48 % ответили *иногда*, а 40 % — *никогда* (Аргументы и факты, 2001, № 4, с. 16).

Национальный корпус русского языка включает множество нецензурных слов, и в том числе — около 300 употреблений слова, называющего мужской детородный орган со всеми его производными. Создаются словари нецензурной брани, включающие набор нецензурных слов. Причем русский мат уже не является принадлежностью только мужской культуры.

К новым явлениям в сфере сквернословия постсоветского периода относится издание множества словарей, справочников и энциклопедий ненормативной лексики. Вот некоторые из них (расположены в хронологической последовательности):

- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. 2-е изд., испр. и доп., М., 1991.
Русский мат. Толковый словарь / Сост. Н. Кабаков. Рига, 1992.
Кохтев А. Н. Международный словарь непристойностей. М., 1992.
Быков В. Русская фея. Смоленск, 1994.
Арбатский Л. А. Ругайтесь на здоровье, или Довольно толковый словарь русской брани. М., 1999.
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани: Матизмы, обцензурности, эвфемизмы. СПб., 2003.
Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.
Плуцер-Сарно А. Ю. Большой словарь русского мата. Т. 1—2. М., 2005.

Автор последнего издания считает свой словарь наиболее полным и оригинальным, и оригинальность его проявляется в том, что автор «успел беспощадно высмеять в печати все словари-предшественники, выпущенные и в России, и за рубежом». В аннотации к словарю автор пишет, что в наше время выражаются «по матери» политики и военачальники, писатели и художники, банкиры и бизнесмены; что мат — «самая экспрессивная область русского языка» и что умение выражаться матом — это особенный талант¹.

«**Словарь русского современного мата и нецензурной брани**», автор которого считает, что современное иноязычное засилье оказывает

¹ Этой точке зрения близка точка зрения писателя-эмигранта Б. Хазанова, который считает, что русский язык на глазах одного поколения прошел «отрицательную эволюцию», и матерную брань он рассматривает как «эффективное выразительное средство, унаследованное от предков», как «редкостную, по-своему чарующую заповедную область речи», которую нужно беречь и не злоупотреблять, потому что бриллиантов не должно быть много (Лит. газета, 02.02.94).

русскому языку меньше чести, чем **великий русский мат**. Все составляющие словаря взяты из живой русской речи, имеют реальную жизнь в среде носителей русского языка, и это делает его настольной книгой. Он полагает, что если мат удалить из русской культуры, то она потеряет свое обаяние и страшно отдалится от народа, причем научить любить ее в таком виде вряд ли удастся».

(<http://juliusex.ru/dicts/slengb.htm>).

При доминирующей оценке сквернословия как явления отрицательного многие признают право нецензурного слова на полноценную жизнь:

1) как средства художественного изображения в речи отдельных персонажей, о чем существуют свидетельства многих писателей. А. Сорокин, например, считает, что «литератор, обходящийся без мата, равносильно пианисту, отрезавшему себе палец», что «мат созвучен русской жизни, балансирующей на грани разлома», но надо «уметь им пользоваться, чтобы “не пересолить” и не потерять стиля» («Моск. комс.», 31.05—07.06.01). На вопрос «почему в ваших текстах нередко встречаются “крепкие выражения” и откровенно матерные слова?» В. Аксенов в интервью газете «Труд» ответил, что «что русский мат способен обогатить произведение, хотя может и разрушить», и это «зависит от чувства меры и от разных других причин, еще плохо изученных теорией прозы». В своих рассуждениях о романе «Московская сага» и его экранизации он отметил, что использовал матерное слово как образительное средство, что все матерные слова являются отражением языка того времени; языка, который возник «под влиянием двух мощных институтов той жизни — лагеря, через который прошли десятки миллионов людей, и армии, в которой служил почти каждый мужчина». Но, возможно, «переборщил с матом», поскольку его герои слишком часто «позволяют себе лишнего в выражениях» («Труд», 30.12.04). Кстати сказать, большими мастерами употребления нецензурной лексики в современной поэзии считают Т. Кибирова, Д. Пригова; в прозе — В. Сорокина, Вен. Ерофеева, Викт. Ерофеева, В. Аксенова.

2) как положительный момент экстремальной ситуации; в частности — фронтовой жизни. Ю. М. Лотман в воспоминаниях о войне пишет, что в условиях войны многие чувства «передаются средствами русского мата, который прекрасно выражает их и превосходно понимается слушателями»; что «замысловатый, отборный мат — одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях» [Лотман 2003: 28—29]; он «имеет бесспорные признаки художествен-

ного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» [Там же: 16].

Другой участник войны П. А. Николаев в одном из интервью сказал, что на войне не бросались в атаку со словами «За Родину! За Сталина!», но выкрикивали мат и «спасались этим, чтобы не сойти с ума». И это священный мат. Но мат разгильдяев с бутылками пива — это «оскорбление по отношению к мату, с которым погибали дети России...» («Лит. газ.», 2004, № 37, с. 11).

Известно, что русский мат спас жизнь И. Л. Бунину в «окайные» революционные годы. Вот как он это описывал: «А в полдень в тот же день запыхал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели бросить меня в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я матерными словами кинулся на орущую толпу» [Бунин 1990: 83]. Н. Берберова отмечает, что И. Бунин любил рассказывать скабрезные истории, был абсолютно свободен в выборе выражений и пишет об этом так: «Рассказывание подобных историй кончилось довольно скоро: после двух-трех раз, когда он произнес вслух и как-то особенно вкусно “непечатные” (впрочем, давно на всех языках, кроме русского, печатные) слова — он любил главным образом так называемые детские слова на г., на ж., на с. и так далее, — ... он совершенно перестал “рисоваться” передо мной...» [Берберова 1999: 293]. И дальше она пишет о том, насколько матерное слово для И. Бунина было естественным: «Однажды Г. В. Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме; он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались “заборными”. Это был комментарий Бунина к первому тому Блока» [Там же: 296].

Бранное слово — это достояние не только русского языка. В западной культуре на бранную лексику нет табу, но считается, что именно русский мат имеет широкое распространение в мире. Польская писательница Ева Липняцкая высказалась так: «В Польше есть специалисты, способные крыть матом, не повторяясь, в течение получаса, но эта способность связана скорее с профессией, нежели с национальностью, и тут лидируют военные, водопроводчики и врачи. Правда, если поляк хочет выругаться по-настоящему, он использует русский мат» [Липняцкая 2001: 68].

При всех разногласиях в оценках нецензурного слова, оно живет и, без сомнения, будет жить, пока жив русский язык и его носители. Оно может звучать цинично, омерзительно, грязно, а может — остроумно,